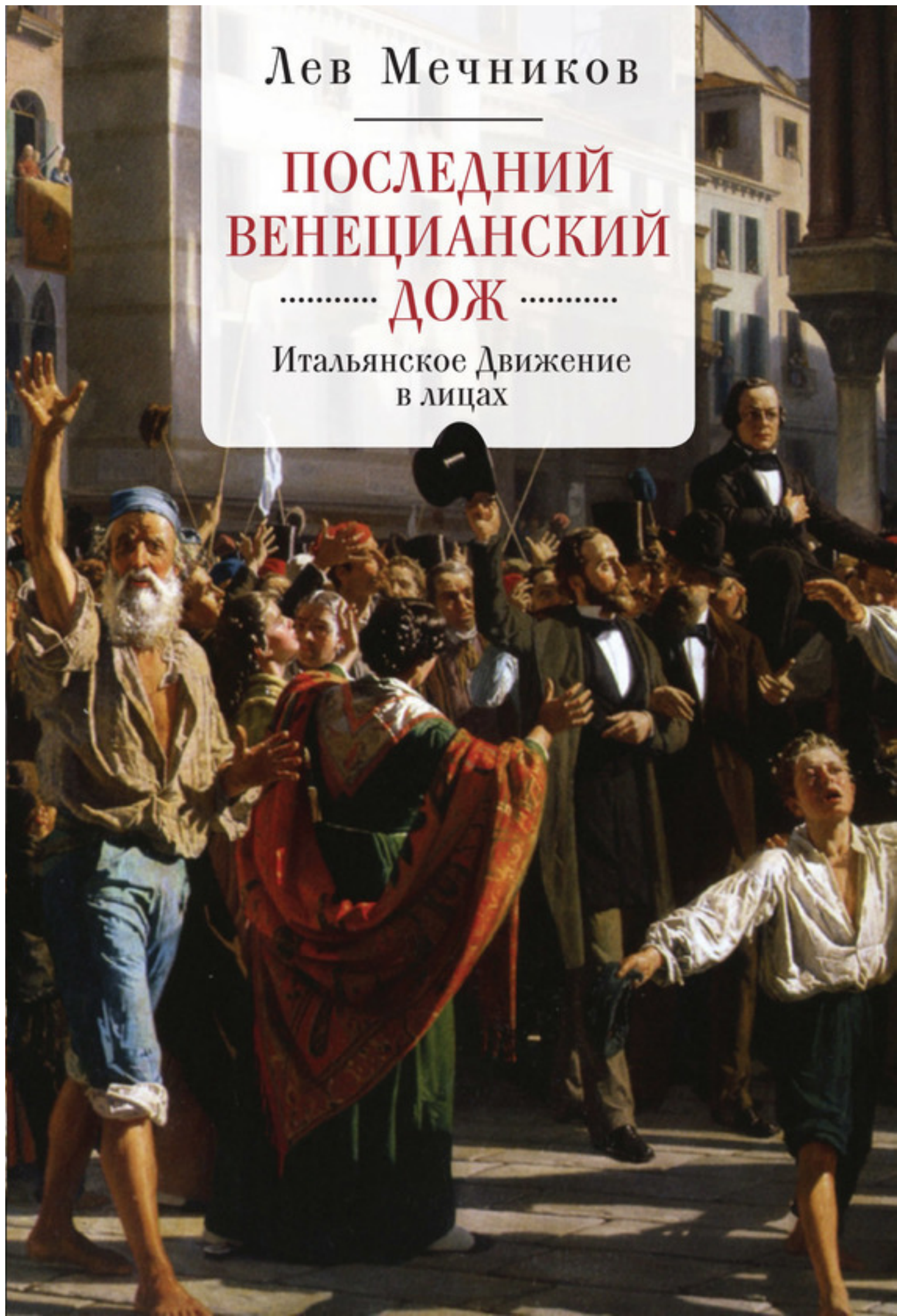

Лев Мечников

ПОСЛЕДНИЙ
ВЕНЕЦИАНСКИЙ
..... ДОЖ .....

Итальянское Движение
в лицах

Лев Мечников

**Последний венецианский дож.
Итальянское Движение в лицах**

«Алетейя»

УДК 94(450).08
ББК 63.3(4Ита)52

Мечников Л. И.

Последний венецианский дож. Итальянское Движение в лицах /
Л. И. Мечников — «Алетейя»,

ISBN 978-5-906910-49-3

Впервые публикуются отдельным изданием статьи об объединении Италии, написанные братом знаменитого биолога Ильи Мечникова, Львом Ильичом Мечниковым (1838–1888), путешественником, этнографом, мыслителем, лингвистом, автором эпохального трактата «Цивилизация и великие исторические реки». Основанные на личном опыте и итальянских источниках, собранные вместе блестящие эссе создают монументальную картину Рисорджименто. К той же эпохе относится деятельность в Италии М. А. Бакунина, которой посвящен уникальный мемуарный очерк. Сборник тематически продолжает выпущенные ранее «Записки гарибальдийца» Л. И. Мечникова.

УДК 94(450).08
ББК 63.3(4Ита)52

ISBN 978-5-906910-49-3

© Мечников Л. И.
© Алетейя

Содержание

Предисловие публикатора	6
Последний венецианский дож. Даниеле[2] Манин, 1848 г.	8
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лев Мечников

Последний венецианский дож. Итальянское Движение в лицах

Публикация и вступительная статья

Ренашо Ризалиши

Научная редакция и послесловие

Михаил Талалай

На обложке:

Наполеоне Нани, «Даниеле Манин и Никколо Томмазо, освобожденные из австрийской тюрьмы, возглавляют восстание венецианцев в 1848 году» (1876)

На задней стороне обложки:

Бальдассаре Верацци, «Пять миланских дней в 1848 году» (1870-е гг.).

Предисловие публикатора

Сборник из восьми очерков Льва Ильича Мечникова, который мы представляем, пришел к русскому читателю после того, как он уже получил – с задержкой в полтора века – впервые собранные в одной книге его замечательные «Записки гарибальдийца» (СПб.: Алетейя, 2016).

Публикуемые ныне очерки по Рисорджименто выходили в 1860-1870-х гг. в журнале «Современник» Некрасова и Чернышевского и в 1870-х гг. в журнале «Дело», под разными псевдонимами: одни – «Последний дож Венеции», «Аспромонте» и «Капрера» как *Леон Бранди* (прямой перевод имени Лев Мечников¹), другие, «Сицилия и г. Криспи» и «Раттацци», как *Гарибальдиец*, а остальные, «Франческо-Доменико Гверраци» и «Чезаре Бальбо», как *Эмиль Де Негри*.

Хронологический разрыв между этими двумя сериями очерков – восемь-десять лет, и они характеризуются разницей в ряде положений, что объясняется накопленным идейным опытом возмужавшего автора.

Самые последние свои статьи, к примеру, о Викторе-Эммануиле II, автору удавалось публиковать уже под своим действительным именем. Именно в заключительной статье о короле-объединителе его идеи о Рисорджименто и соответственный опыт приобретают завершенность. Каков же был этот опыт?

После того, как Мечников пролил кровь за объединение и независимость Италии в качестве гарибальдийца, в 1864 г. итальянские власти препроводили его до швейцарской границы, так как он оказался «виновным» в попытке вызволить беднейшие слои населения из угнетенного состояния (через агитацию в сиенском журнале «Flagello»), а также в налаживании связей между русским революционным движением и Партией действия Гарибальди.

Что касается последнего обстоятельства, то в советскую эпоху историки так и не смогли установить, кто же именно служил связующим звеном между революционными сообществами двух стран. Ответ вроде бы лежал на поверхности, но не был найден, так как автор использовал разные криптонимы и псевдонимы (М., Леон Бранди, Гарибальдиец, Эмиль Де Негри и проч.).

Когда же он стал печатать в герценовском «Колоколе» тексты под собственным именем, Герцен – после пяти статей – остановил его публикацию «Противников русского государства». Советский историк М. В. Нечкина даже назвала его «историком-дилетантом»... В то время как американские исследователи считали его крупным русским историком калибра Карамзина, Соловьева, Ключевского!

Лев Мечников несчастливым образом попал в сектантские раздоры Первого Интернационала между сторонниками Маркса и Бакунина, симпатизируя более русскому анархисту. Посланный затем как журналист (и, возможно, как революционный агент) в Испанию, он старался позднее избегать возникшей полемики. Тем не менее, в советскую эпоху близость к Бакунину стоила ему как историку-мыслителю забвения.

Если же разобраться, то расстояние между Мечниковым и Бакуниным (или же Марксом) представляется космическим. Его идеи о развитии цивилизаций четко выражали постулат о развитии общества не на базе социальных или народных революций, а на базе кооперации, что имеет немало аналогий с христианскими понятиями.

В публикуемых нами первых трех статьях Мечникову пришлось считаться с необходимостью зарабатывать на жизнь в русской прессе, поэтому он не выговаривается целиком, а часто лишь намекает. Заметим также, что не всё им сказанное о революционной эпохе в Италии вошло в наш сборник, в частности – его очерки о братьях-венецианцах Бандьера и о пламенном республиканце Мадзини.

---

¹ *Brando* (архаичн. итал.) – меч.

Тем не менее, центральное место в текстах Мечникова заслуженно занимает Джузеппе Гарибальди: он единственным из революционеров сумел понять как крестьянские массы, так и городскую бедноту, начиная с неаполитанских лаццарони. Он же осознал, что Мадзини и другие политические вожди только доктринерствуют и посему нуждаются в нейтрализации, в то время как победительным девизом должно стать «Италия и Виктор-Эммануил», то есть объединенная и независимая нация с конституциональным монархом. Этот лозунг Гарибальди провозгласил сразу во время экспедиции Тысячи (к которой примкнул Мечников); ему же он остался верен и во время печального эпизода на Аспромонте (где Мечников не был, но подробно его описал), и во время других своих вооруженных выступлений, к примеру, под Ментаной. В итоге с таким девизом Гарибальди победил на Итальянском Юге и во всей стране.

Однако между победой в Неаполе и конечным торжеством Рисорджименто была Капрера, добровольный уход Гарибальди с государственной сцены, тоже обстоятельно представленный Мечниковым. Выбор Капреры являлся политическим ходом: это стало очевидным, когда бывший затворник вновь объявился на Апеннинах и по выражению Антонио Грамши, «сыграл сбор».

Со страниц Мечникова встает истинная сущность Гарибальди – человека-политика, в противовес итальянской историографии, которая традиционно его представляла как человека действия, оставляя в тени его политический стержень.

Для русского мыслителя объединение Италии было поставлено в прямую зависимость именно с необыкновенными *политическими* дарованиями Гарибальди, который сумел пожертвовать своими республиканскими убеждениями ради объединения нации – быстрым и эффективным путем.

В судьбоносный 1860-й год развернулась политическая борьба между Кавуром (либералом) и Гарибальди (демократом). Виктор-Эммануил сумел выступить как их примиритель, в качестве *конституционного* монарха. Кавур, после победы Гарибальди, желал сразу подчинить Итальянский Юг пьемонтскому бюрократическому правлению. Предпринятая этим правлением массовая секуляризация монастырей (дававших работу и пропитание бедному люду) и роспуск бурбонской армии вызвал феномен «brigantaggio», что не являлось «бандитизмом», как следует из прямого перевода, а было вооруженным политическим протестом, типа партизанства, гверильи. Южное «brigantaggio» было подавлено Пьемонтом с небывалой жестокостью...

И последнее. Впечатляет дальновидность, с которой Лев Мечников в своих очерках рассматривает проблему католичества: для него она – не только международный и/или политический вопрос, а одна из ипостасей южноитальянского и национального вопроса. Того вопроса, что не вполне разрешен и спустя полтора века после описываемых эпохальных событий.

Ренато Ризалити,

Пистойя, февраль 2017 г.

Перевод с итальянского М. Г. Талалая

Последний венецианский дож. Даниеле² Манин, 1848 г.

История Венецианской республики – навыворот история других итальянских республик: в то самое время, когда во Флоренции, например, аристократическая община уступала свое первенство народу – общине *del popolo magro*³ – в Венеции олигархия покупала у народа его права на участие в управлении городом и зависящими от него провинциями. Народ уступил охотно, потому что ему платили очень щедро, и Великий Совет⁴ все более и более сосредоточивал в своих руках власть, ослабляя все другие учреждения и низводя самого дожа на степень коронованной и богато украшенной куклы, предназначенной единственно для того, чтобы занимать почетное место во всякого рода процессиях и торжествах, которыми развлекали народ. В самом начале XIV столетия этот олигархический деспотизм уже сильно вкоренился в Венеции и народ выносил его очень охотно, так что когда дож Марино Фальеро⁵ затеял внутреннюю перемену, чтобы возратить своему сану утраченное величие, предприятие его встретило сочувствие только в очень немногих, и сам он, вместе с зятем своим архитектором Календаро⁶ и несколькими другими гражданами, стал жертвой собственных замыслов, и кровь их пролилась, не вызвав даже мстителей за их участь...

Это олигархическое, нелепое устройство республики наподобие коммерческого дома, где ценился только один успех и где банкротство было худший позор – продолжалось очень хорошо до тех пор, пока венецианская торговля процветала; но едва пришло то время, что государственных доходов не стало хватать на плату наемных войск, когда соседи стали мстить Венеции, как больному льву за старые обиды, тогда живо почувствовали недостаток в гражданах, каких не могли породить, разьевшееся на выгодных спекуляциях коммерческое сословие и народ, который, в несколько веков жизни под отеческим управлением Великого Совета, успел отвыкнуть от политической жизни. Среднее сословие в Венеции не имело никакого значения, ни даже смысла: оно состояло наполовину из негоциантов, не успевших еще нажать себе порядочные капиталы для того, чтобы стать отцами отечества, и наполовину из разорившихся олигархов – и те и другие равно были погружены в коммерческие расчеты, мало заботясь об остальном.

Таким образом, республика св. Марка перестала существовать еще задолго до того, как Наполеон I занял ее своими войсками. Ее терпели и покровительствовали сильные соседи и по преимуществу Австрия, которой она скоро стала одним из самых покорных вассалов.

Обстоятельства, сопровождавшие взятие Венеции французами, достаточно показывают, как хил был правительственный организм республики. Едва пришло в собравшийся по этому поводу Великий Совет известие о приближении неприятеля, отцы отечества очень охотно сложили с себя всякую верховную власть и отдали ее в руки дожа Манина⁷ – крестного отца Даниила Манина. Тот, озадаченный печальным событием, расплакался в полном собрании, как ребенок, и не нашелся сказать ни слова.

---

² Автор дает русифицированное имя Даниил, которое нами заменено на оригинальное итальянское (*Daniele*). – Здесь и далее прим. М. Г. Талалая.

³ <Община> «тошего народа» – здесь и далее: *umal.*, за исключением особо указанных случаев.

⁴ Совр. общепринятый перевод *Maggior Consiglio* – Большой Совет, хотя употребляемый Мечниковым перевод «Великий Совет» нам представляется более точным (*maggior* – старший, важный, главный, высший).

⁵ Марино Фальеро (*Faliero*, венециан.: *Falier.*; 1274–1355), 55-й дож Венецианской республики. Его попытка монополизировать власть была жестко пресечена, он был казнен, а его имя внутри Дворца дождей было сбито и заменено латинской надписью: «На этом месте было имя Марино Фальера, обезглавленного за совершенные преступления».

⁶ Филиппо Календаро (*Calendario*, иначе *Calandario*) – венецианский архитектор и судостроитель; казнен в 1355 г. как соучастник дожа Фальеро (однако, он не был его зятем).

⁷ Лодовико-Джованни Манин (*Manin*; 1725–1802) – 120-й и последний венецианский дож.

Тогда народ, которому с давних пор запрещено было носить оружие, вышел на площадь; костями и ножами вырывал плиты из мостовых и устроил баррикады, которые отчаянно защищал против иностранных пришельцев; женщины помогали мужчинам, чем могли, и мужественно лили из окон кипяченую смолу и масло на треуголки будущей Великой армии. Французы, однако, взяли верх и повесили свое трехцветное знамя на флагшток близ церкви св. Марка. При этом печальном зрелище один известный венецианский аристократ второпях оставил собрание сената, побежал в свой дворец и приказал тотчас же накрепко запереть двери, которые отворились только через 15 лет после того, и для того только, чтобы пропустить носильщиков с траурным гробом на плечах, в котором покоились бранные останки достойного отца отечества...

Остальная аристократия последовала его примеру и заживо похоронила себя в своих великолепных дворцах, которые долго после того стояли мрачные и пустые, как гробы, пока наконец промышленное поколение завело в них гостиницы и магазины, а австрийское правительство обратило остальные в полицейские бюро и в жандармские казармы. Венецианская аристократия с тех пор навеки исчезла с лица земли.

У народа не было дворцов, где бы он мог укрыться от налогов и всякого рода стеснений, которыми обременяли его странствующие рыцари свободы. Французское правительство не могло быть выносимо безропотно венецианцами, у которых многими веками праздной площадной жизни успели выработаться свои совершенно особенные и чисто практические взгляды на общественное устройство. Новому правительству нужны были деньги, и оно, не стесняясь, обременяло новыми налогами новые провинции, а венецианцы, привыкшие сами брать подать с своего правительства, всего неохотнее принимали это нововведение. Неудовольствие было всеобщее, но их геройская попытка 1797 г. достаточно показала им собственную их слабость перед неприятелем, и они ограничивались мирными демонстрациями, гордыми протестами и пр. Трактат Кампо-Формийский⁸, отдавший Австрии Венецию, был встречен довольно хладнокровно, хотя многим ухудшал положение города и провинций.

Трудно встретить два народа, которые и по развитию, и по природе были бы так противоположны один другому и так мало способны понимать друг друга, как венецианцы и австрийцы. После Венского конгресса Венеция очутилась совершенно изолированной от всех других провинций Апеннинского полуострова, в лапах австрийского двуглавого орла. Народ ненавидел своих новых владетелей, гордо и дерзко оскорблял их на каждом шагу, но до открытой оппозиции не доходил и, может быть, не из одного только страха перед их силой. Венецианскому народу ничего не было дорого в его прошедшем. Он понимал очень хорошо, что счастливые годы республики св. Марка прошли безвозвратно и что убили их ни французы, ни австрийцы. За последнее время управления коммерческой аристократии народ успел возненавидеть ее всем сердцем и с переменой судьбы ненависть эта возросла еще больше, так как во всех чердаках и подвалах Венеции и между жильцами портиков старых прокураторов⁹ очень распространено было мнение, что *аристократы продали и народ и родину иностранцам*. Гондольеры и работники под самым носом австрийских часовых распевали оскорбительные для завоевателей куплеты своего народного поэта Буратти¹⁰, между прочим и следующий, в котором автор с исключительно ладзоронской¹¹ точки зрения делает оценку трех существовавших в Венеции правительств:

---

⁸ Мирный договор между Францией и Австрией, подписанный 18 октября 1797 г. близ городка *Campo Formio*.

⁹ *Procuratie Vecchie* – административное здание («присутственные места») на площади св. Марка, с 50-ми портиками.

¹⁰ Пьетро Буратти (в оригинале: Бурати) (*Buratti*; 1772–1832) – итальянский поэт, сын болонского банкира и голландки, родился в Венеции, где решил и остаться, хотя его семья после падения Республики в 1797 г. вернулась в Болонью.

¹¹ Ладзарони, иначе лаццарони – неаполитанский плебс, люмпен-пролетариат, со своей ярко выраженной идентичностью (по имени св. Лазаря – покровителя бедных и больных; ер. выражение «петь лазаря»).

Quando Marco comandava
Si disnova e si cenava;
Colla cara liberta
S'ha disna, non s'ha cena;
Colla Casa di Lorena
Non si disna, non si cena.

«Во времена св. Марка (то есть лучшие времена управления Великого Совета) мы и обедали и ужинали; с любезной свободой (с французской республикой) – обедали, но не ужинали; а с Лотарингским домом не обедаем и не ужинаем»¹².

В народных театрах, несмотря на все полицейские строгости, давались фарсы, в которых австрийцам предназначены были самые обидные для их самолюбия роли, и на них переделывались все смешные и карикатурные анекдоты, которых героями прежде бывали триестинские славяне и греки. Но собственно народная литература, имевшая большое влияние на переворот 1848 г., явилась гораздо позже.

Народу недоставало единства; корпорации, потерявшие давно и тень всякого политического значения, продолжали, однако же, ненавидеть друг друга; недоставало одного, дорогого всем и каждому знамени, под которым каждый готов бы был драться до последней капли крови; недоставало центра – человека, или идеи, вокруг которого собрались бы все элементы венецианского народонаселения...

Венские администраторы, очень плохо понимавшие настоящий характер и нужды венецианцев, мало знакомые с положением дел в новой провинции империи, не могли, однако же, не замечать этой слабости, и верные своей политике – *divide et impera*¹³ – старались с одной стороны еще более ослабить венецианцев, с другой – запугать их жестокими и деспотическими проявлениями своей власти. Их усилиями в течение долгого времени поддерживалась борьба между корпорациями, ненависть между провинциями, между Венецианской областью и Ломбардией. С этой целью одним давались привилегии и преимущества, других угнетали; в Падуанском университете старались поддержать старую борьбу между ломбардской и венецианской корпорациями; затруднены были донельзя сообщения между провинциями и пр. Между тем усилены полицейские строгости, придана публичность варварским военным судам и заведено какое-то вечное осадное положение.

Запуганная тяжелыми событиями, умственная жизнь в Венеции совершенно притихла, а правительство приняло всевозможные меры для того, чтобы, невзначай, извне, не попала туда какая-нибудь искра. Но, как это очень часто бывает, излишние предосторожности произвели совершенно противоположные результаты тем, которых ожидала от них Австрия. Распространенные в то время на всем полуострове, и в особенности в неаполитанских провинциях, тайные общества – масоны, карбонары, просвещенные (*illuminati*) – конечно, не проникли бы никогда в Венецию через тройную преграду жандармов, шпионов и всякого рода полиций, а если бы и проникли, то не встретили бы там никакого сочувствия, если бы само правительство не подало опасный пример народу своим публичным судом и циническим чтением приговора на площади св. Марка ломбардским карбонарам, в числе которых был и Сильвио Пеллико¹⁴, пользовавшийся особенной популярностью в Венеции и осужденный на пожизненное заключение. Сознывая самую опасность своего положения, австрийское правительство сочло за лучшее окружить сильной цепью солдат всю площадь и поставить сильную батарею на «piazzetta»¹⁵.

---

¹² Куплеты П. Буратти приобрели популярность: в разных местностях Италии и в разные эпохи возникали их варианты на злобу дня.

¹³ Разделяй и властвуй (*лат.*).

¹⁴ Сильвио Пеллико (*Pellico*; 1789–1854) – деятель Рисорджименто.

¹⁵ *Piazzetta Sam Marco*, часть площади св. Марка, выходящая к Лагуне.

Эта обстановка еще более возмутила зрителей, и тут в первый раз венецианская чернь грозно зарычала, как раненый лев, так что военный комендант готов уже был отдать приказ стрелять по ней... Но это был минутный порыв, который прошел очень скоро; только мальчишки собирались по вечерам у окон тюрьмы нового узника, и кричали ему: «Addio, Silvio! ...»¹⁶.

Самая главная ошибка австрийского правительства заключалась в том, что оно оставило в руках венецианцев весь флот, в надежде, что так как он исключительно представлял аристократический элемент страны, то не мог представить ему значительной оппозиции. Расчет этот оказался неверным, потому что аристократический элемент во флоте очень скоро уступил новому чисто-демократическому и враждебному Австрии, и таким образом народу представилась возможность выйти из того грубого невежества, в котором он находился прежде, и усилить ряды среднего сословия, которому этим самым придан совершенно новый смысл и значение. Между тем и число падуанских студентов все возрастало, так как коммерческая деятельность, со времени открытия порто-франко в Триесте, упала окончательно. Оттуда демократический элемент проник и в литературу, которая в Венеции больше, чем где-нибудь, имела влияние на народ, и оживил ее своими совершенно новыми началами.

Еще прежде этого в Ломбардии Манцони¹⁷ затеял литературную революцию, и нашел очень много последователей в самом непродолжительном времени. Австрийское правительство сумело понять, что реформа, начатая Александром Манцони, могла иметь не только литературное значение, а потому и поспешила представить ему энергическую оппозицию через посредство цензоров, жандармов, «Миланского вестника» и Винченцо Монти¹⁸. Этот добрый и ученый педант и до смерти не понял, что защищая против нововведений «дерзкой северной школы» старые литературные формы, греческих богов и авторитеты, он являлся рыцарем средневекового папизма и венских богов.

В Венеции первый внесший *романтизм* в литературу был Бензон¹⁹, умерший очень молодым и написавший всего одну только поэму «Nella», имевшую громадный успех в свое время, а теперь совершенно забытую во всей Италии. Преемником его был Луиджи Каррер²⁰, падуанский студент, сын простого лодочника. Их нововведение имело тем больший успех, что классицизм в Венеции существовал в самом жалком и смешном виде, и что Австрия не могла найти здесь ни одного Винченцо Монти, и никого, кто бы мог хотя сколько-нибудь ему противодействовать. К тому же Венеция с давних пор была отечеством всякого рода научных и религиозных реформ, и венецианцы Сарпи²¹ и Сагрето²² первые восстали против авторитетов в науке вообще и против Аристотеля в особенности, гораздо раньше, чем Галилей появился на свет со своей новой теорией землеверчения.

Романтизм Каррера был несравненно опаснее для Австрии, чем манцониевские нововведения в Ломбардии: молодой студент, с венецианским остроумием, наполнял свои юношеские поэмы намеками и вовсе недвусмысленными воззваниями. Наконец, в одном из сонетов своих, он открыто уже призывает народ к восстанию; но к несчастью, сам, слишком напуганный своим огромным успехом, тотчас вслед за этим написал другой, на выздоровление вице-короля, и этим убил свою репутацию.

---

¹⁶ «Прощай, Сильвио!».

¹⁷ Алессандро Манцони (*Manzoni*; 1785–1873) – миланский литератор-патриот, «властитель дум» первой половины XIX в.

¹⁸ Винченцо Монти (*Monti*; 1754–1828) – миланский литератор, поклонник Наполеона, однако после его падения – деятельный сторонник австрийского правления.

¹⁹ Витторе Бензоне, иначе Бендоне (*Benzone*; 1779–1822) – литератор-романтик.

²⁰ Луиджи Каррер (*Carrer*; 1801–1850) – венецианский поэт, журналист и издатель.

²¹ Паоло Сарпи (*Sarpi*; 1552–1623) – венецианский монах, богослов и ученый.

²² Джованни-Франческо Сагрето (*Sagredo*; 1571–1620) – венецианский физик.

В это время все умы были до такой степени настроены на одну тему, что даже самая наука приняла какой-то революционный и враждебный Австрии характер. Венецианский Атеней невольно обратился в национальный комитет и даже миролюбивый археолог Эммануил Чиконья²³ в своем ученом сочинении «Венецианские надписи» не устоял против всеобщего направления. А между тем старый поэт Буратти – венецианский Беранже – служил как бы посредником между литературой и чернью, популяризируя новые идеи, и во всей Венеции не было ни лодочника, ни носильщика, который бы не знал наизусть по крайней мере дюжины его стихов и имена лучших венецианских литераторов, которых сочинения он еще не понимал, да и не читал по всей вероятности.

В силу старой своей системы, венский кабинет постоянно переводил из Ломбардии чиновников в Венецию и обратно, а они служили посредниками между двумя провинциями; тогда как моряки знакомили своих соотечественников с положением других стран Италии и Европы, которые им случалось видеть во время путешествий.

В это самое время умер Франц I, и со вступлением на престол сына его Фердинанда, изменилась политика венского кабинета, а следовательно и судьба Венеции.

Старый девиз римского сената *divide et impera* заменен был новым *viribus unitis*²⁴: начались гонения пуще прежнего против всего, напоминавшего автономии отдельных провинций империи; централизационные попытки министерства, нелепые и жестокие, легли тяжелым грузом на плечи подданных, и даже терпеливая Вена не могла безропотно выносить эти нововведения. Скоро вся государственная администрация стала огромной корпорацией жандармов, таможенных стражей, тупых бюрократов, шпионов и солдат, упорно преследовавших все, в чем была хотя тень жизни. Внимание правительства, конечно, обратилось главным образом на положение подвластных ему итальянских провинций, которое действительно становилось угрожающим. В Падуе неоднократно уже бывали кровавые стычки между студентами и полицией; ссоры студенческих корпораций были забыты, ломбарды и венецианцы дружно вместе восстали против стеснительного австрийского университетского устава...

Преобразование началось прежде всего с флота, так как венское морское министерство нашло, что офицеры, начиная с адмирала Паулуччи²⁵ и кончая последним гардемаринном, – *все образованы не в духе империи*. Назначена была комиссия под председательством эрцгерцога Фридриха²⁶ и полковника Мариновича²⁷ – командира венецианского

Арсенала и рабочих рот. Но сколько ни выгоняли они старых и молодых офицеров – им не удалось уничтожить народный элемент, слишком уже вкоренившийся в венецианских морях.

Новый цензурный устав, гораздо строже прежнего, заставил молчать литературу. Фосколо²⁸ и Томмазо еще молодыми бежали во Флоренцию, и в Венеции не осталось ни одного дорогого народу имени.

Последние остатки венецианской автономии были уничтожены, и венское законодательство без малейших изменений получило силу и в итальянских провинциях. Правительственные строгости возбуждали явные неудовольствия повсюду; одна Венеция упорно молчала, и венские администраторы, приписывая это молчание или полному индифферентизму, или бессилию, все смелее и смелее обращались с своими долготерпеливыми подданными.

---

²³ Эммануэле-Антонио Чиконья (*Cicogna*; 1789–1868) – венецианский филолог-эрудит.

²⁴ Все силы вместе (*лат.*).

²⁵ Амилькаре Паулуччи (в оригинале: Паолуччи) (*Paulucci delle Roncole*; 1773–1845) – итальянский адмирал на австрийской службе.

²⁶ Эрцгерцог Фридрих-Фердинанд-Леопольд Габсбург (1821–1847) – командующий австрийским флотом.

²⁷ Джованни Маринович (*Marinovich*; 1848) – венецианский капитан в звании полковника, убит во время антиавстрийского восстания.

²⁸ Уго Фосколо (*Foscolo*; 1778–1827), Никколо Томмазо (*Tommaso*; 1802–1874) – итальянские литераторы-патриоты.

Между тем приближался 48-й год: вся Италия была в волнении, на место прежних мистических тайных обществ появились новые, энергические и деятельные. Романья восстала против папы; самый Рим был неспокоен, и на Юге в особенности порождались новые политические секты. Мадзини²⁹ проповедовал единство Италии, Менотти³⁰ в Болоньи дрался за этот принцип, и пьемонтское правительство заметно начало склоняться на сторону нововведений. В Венеции все это находило отголосок только в немногих избранных, т. е. поставленных в более выгодное положение; посредником между ними и народом послужили сперва публичные выставки. Академия художеств и самая живопись получила, вследствие этого, совершенно другой характер, который не ускользнул от зорких глаз австрийского правительства. Объявлено было, что за картины, сюжет которых заимствован из истории Венецианской республики, не будут выдаваться премии; но это не произвело должного впечатления, и вынуждены были закрыть самые выставки для народа...

Хотя многие имели возможность доставать через посредство моряков, или другими путями, сочинения, выходявшие на свет в других частях Италии, – Венеция слишком была занята собственным тяжелым положением и мало заботилась об остальных, оставаясь совершенно равнодушной к новым идеям и политическим догматам, проповедуемым Мадзини. Молодежь составляла тесные и очень немногочисленные кружки, совершенно изолированные один от другого. Передовое сословие мечтало только о некоторых ослаблениях полицейских строгостей; народ по-прежнему хотел того, чего хотят все народы – хлеба и зрелищ; но усталый от гонений и от бездействия – готов был идти вслед за первым, кто сумел бы осветить его блеском героических подвигов, или по крайней мере красноречием. Но таких-то именно не находилось.

Братья Бандиера³¹, морские офицеры, весной 44-го г. затеяли опасную высадку в Калабрию с очень небольшим числом приверженцев, по большей части венецианских матросов, и со знаменем единства Италии. Оба они погибли в этом предприятии. В Венеции все были возмущены их казнью, провозглашали их мучениками любви к родине, но в сущности очень мало понимали их настоящую цель...

* * *

Центром одного из маленьких домашних кружков, в которых сосредоточивалась большая часть тогдашней политической жизни Венеции – был Даниил Манин, сын крещенного жида, крестника того дожа Манина, который торжественно плакал в совете по случаю занятия Венеции французскими войсками.

В то время, когда братья Бандиера умирали в Калабрии, Даниил Манин только что выступил на поприще политической жизни, и вступление его далеко не было блестяще и не обещало ничего. Личность Манина сама по себе замечательна только тем, что не будучи вовсе гением, он имел, однако же, громадное влияние на судьбу всей Италии. Наружность его была далеко непривлекательна: маленький, с огромной головой, с довольно толстыми губами и плутовскими серыми глазками, с широким мясистым лбом, толстым носом и выдающимися скулами, он так мало создан для классических изображений, что когда в прошлом году в Турине задумали поставить ему памятник, скульптор не решился поставить его статую рядом с мра-

---

²⁹ Джузеппе Мадзини (*Mazzini*; 1805–1872) – мыслитель, публицист, вожь патриотов республиканского толка. Автор употребляет устаревшую транслитерацию Маццини, замененную нами на принятую совр. Мадзини.

³⁰ Чиро Менотти (*Menotti*; 1798–1831) – итальянский патриот; казнен австрийцами.

³¹ Аггилио Бандьера, иначе Бандиера (*Bandiera*; 1810–1844), Эмилио Бандьера (1819–1844) – два брата, родом из Венеции, предпринявшие неудачную попытку поднять антибурбонское восстание, были казнены в Калабрии. Л. Мечников посвятил им отдельную статью, посланную Н. Некрасову в «Современник» (принятую в № 3, 1863), но запрещенную цензурой.

морными портретами генерала Пепе³² и Чезаре Бальбо³³, а изобразил на место его Италию в виде вооруженной женщины, со щитом в руке, на котором в барельефе вылеплен идеализированный профиль Манина.

Очень молодым он окончил курс в Падуанском университете, был очень хороший математик, отличался прилежанием и сметливостью, больше чем блестящими качествами ума. Отец его, хотя еврей, не оставил ему никакого состояния, и он должен был в адвокатстве, которое избрал своей профессией, искать себе средств к жизни. Очень молодым он женился на бедной девушке, за которой не взял никакого приданого.

Занятый исключительно своим ремеслом, он мало занимался политическими делами, пока наконец денежные его обстоятельства улучшились и позволили ему поселиться с некоторыми удобствами в маленьком домике в Местре, ближайшем к Венеции городе материка. Там он давал маленькие приятельские вечеринки, и в числе обыкновенных его посетителей были многие из лиц, принимавших очень значительное участие в итальянском движении, и ставших впоследствии во главе венецианской революции.

Манини был в полном смысле слова то, что называется практический человек. Первое и долгое время единственной его заботой было обеспечить независимые средства к существованию себе и маленькому своему семейству. Едва успел отложить он в сторону маленький капитал, тотчас же вступил в коммерческие обороты и стал членом венецианского коммерческого общества. Общество это было единственной в то время ассоциацией, устоявшей против преследований правительства; оно служило проводником национальных идей и, под прикрытием своей торговой фирмы, занималось науками и всего более политикой. Оно заводило журналы в Венеции, Падуе, Триесте, Милане и других городах австрийской Италии, где имело своих агентов. Под тем же самым предлогом оно вошло в сношение с триестинским «Ллойдом». Депутаты триестинской торговли дали на пароходах «Ллойда» банкет *соединения* этому обществу, и это, чисто частное дело имело, однако же, очень важное значение, так как в Венеции тогда все сколько-нибудь существенные вопросы сводились к одному. На этом обеде сказано было несколько торжественных речей, потом переданных в единственном сколько-нибудь либеральном журнале того времени: «Il Gondoliere», издававшемся под покровительством общества. Следствием всего этого было новое волнение умов и многие арестации...

Это натянутое положение, по естественному ходу событий, не могло продолжаться долго. Скоро действительно началась венецианская революция, очень мирным путем журнальных распрей и протестов. Первым поводом послужил к ней вопрос о постройке ломбардо-венецианской линии железных дорог. Общество состояло наполовину из венских и из ломбардо-венецианских акционеров. Поводом к первым недоразумениям послужила ветвь между Миланом и Брешией. В силу императорского указа, она должна была идти по ровной местности через Тревилью; некоторые из ломбардо-венецианских акционеров считали более сообразным со своими выгодами вести ее по холмам Бергамо, что влекло к несравненно большим издержкам, правда, зато обещало и больший доход, так как она служила вспомогательной ветвью железной дороги между Бергамо и Миланом. Большая часть ломбардо-венецианских акционеров принимали участие и в этом последнем предприятии, а потому немало заботились о том, чтобы новые работы не только не убили старую дорогу, но даже дали бы ей большее значение. На этом основании они готовы были отказаться от вспомоществования, которое давало австрийское правительство в таком только случае, если железная дорога будет проведена сообразно утвержденному министерством плану.

Венские акционеры, исключительно падкие на правительственные гарантии, и кроме того, по многим соображениям, желавшие упадка линии бергамо-миланской, представили

---

³² Габриеле Пепе (*Пепе*; 1779–1849) – итальянский патриот.

³³ О Чезаре Бальбо см. ниже специальный очерк Л. Мечникова.

своим итальянским собратьям очень энергичскую оппозицию. Завязалась журнальная полемика, сперва задеты были личные выгоды обеих сторон, наконец и их самолюбие.

Пока спор касался чисто технической стороны вопроса, то главными борцами со стороны ломбардо-венецианских акционеров были инженеры Поссенти и Палеокапа. Скоро, однако же, дело дошло и до юридических споров, и тогда Даниил Манини, слышавший одним из лучших легистов в Венеции и который сам был акционером, выступил на сцену. Сильный своей судейской логикой, Манини не выводил этого спора за пределы обыкновенного тяжёлого дела, но он скоро получил совершенно новое и чисто национальное направление, а следовательно, и совершенно особенное значение и характер. Честь эта, однако же, вовсе не принадлежит Манини, как утверждают некоторые из чересчур горячих его приверженцев. 7-го июля (45 г.), в официальной венецианской газете появилась статейка, без подписи имени автора, в которой вопрос о железных дорогах разбирался с совершенно иной точки зрения и в тесной связи с политическим бытом и будущей судьбой Ломбардо-Венецианской области. Он доказывает на основании очень положительных данных, что акционеры, при распределении новой ветви дорог, должны брать несравненно больше в расчет статистическое положение правого берега По, чем южных немецких провинций и предлагает свой, совершенно новый проект. Статья эта произвела очень сильное впечатление и придала совершенно новый характер спору акционеров. Австрийское правительство, чтобы избежать более печальных последствий, вынуждено было само принять сторону ломбардо-венецианцев и утвердило новый проект, сообразно их желаниям и требованиям. Таким образом Манини и его партия были поставлены совершенно неожиданно в самое неловкое положение, ставши партизанами австрийского правительства, тогда как венские акционеры, под предводительством графа Морони, представляли оппозицию. Будущий венецианский дож, кажется, однако же не очень смутился этим оборотом дела; вероятнее всего, на этот раз в нем преобладало просто самодовольное чувство победителя и он публично приглашал Морони подписать благодарственный адрес, в котором он, от лица всего общества, «дерзает припасть к стопам императора, с изъявлением живой и искренней благодарности за новое и блистательное доказательство августейшей справедливости и беспристрастного покровительства».

Эта победа ломбардо-венецианских акционеров над венскими обошлась очень дорого не одному только Манини, которого торжественно освистали на первом после этого заседании общества, но и всей партии. Австрийское правительство, недовольное тем, что отстранило опасность, своими происками заставило значительное большинство членов подать ему прошение, «чтобы правительство сооблаговолило устроить на их счет ломбардо-венецианскую линию, так же хорошо и скоро, как устроило свои собственные».

Чтобы восстановить потерянную репутацию, Манини восстал против этого прошения, вследствие чего получил приглашение явиться к генеральному комиссару, который заметил ему, что для него могут выйти очень дурные последствия, если он произнесет хотя одно слово, которое могло бы породить сомнение в акционерах насчет великодушия и благонамеренности правительства. Смириться после подобного внушения – значило бы окончательно погубить себя во мнении соотечественников. Манини, в надежде на свои познания по части юстиции и на громадную память, в которой удерживались все многочисленные правительственные постановления, продолжал энергичскую оппозицию, удерживаясь, однако же, постоянно в строгих пределах законности. Открыты были публичные собрания акционеров обеих партий, и для них отведена была зала *dei Pregadi* Дворца дожей. Манини был адвокатом партии ломбардо-венецианской; для венской же от правительства назначен был один из самых известных в то время прокуроров, доктор Колтелла. Сам Манини удерживался постоянно в очень тесной рамке чисто коммерческих и судебных прений; но некоторые из его приверженцев, ставшие впоследствии вместе с ним во главе революции, когда она перешла на площадь, оказывали ему очень плохую услугу, постоянно отвлекая его от главного дела и сводя на чисто национальные вопросы.

Народ, давно отвыкший видеть какие-нибудь признаки жизни во Дворце дожей, толпой сбегался на новое зрелище – понимал, конечно, очень мало, но в первый раз узнал Манина, слышал, что он говорит против немцев и притом говорит очень много и с жаром; а так как в это время, за исключением Сильвио Пеллико, не было ни одного имени, пользовавшегося какой бы то ни было известностью между низшим сословием, то оно и пополнило именем Манина этот недостаток, тем более, что оно ему было уже знакомо и даже дорого до известной степени, так как напоминало блестящее прошлое...

Между тем готовилось событие особенной важности: в начале 1846 г. назначен был в Венеции, вместо двухгодичной выставки мануфактурных произведений всего полуострова, заведенной еще во время республики св. Марка, и которой не могло уничтожить австрийское правительство, – последний итальянский ученый конгресс.

При тогдашнем положении Венеции и всей Италии – где только что появились на свет и взволновали все умы сочинения Бальбо, Винченцо Джоберти³⁴ и других, при беспокойствах в Романье и только что данной конституции в Риме Пием IX – австрийское правительство должно бы было помешать этому конгрессу, хотя бы для этого пришлось занять целым корпусом кроатов³⁵ залу заседания. Оно ограничилось, однако же, робкими полумерами. Римский граф Канино высадился на *Riva degli Schiavoni* в мундире национального гвардейца; его тотчас же арестовали, что произвело сильное волнение в народе.

Конгресс этот был тоже в одной из зал Дворца дожей. Народ наполнял все остальные, и галереи, и портики. Не знаю, насколько интересны были для него ученые, геологические, нумизматические и другие речи, но речь Чезаре Канту³⁶, которой окончилось заседание, произвела на всех самое магическое впечатление и была встречена такими неистовыми рукоплесканиями, что дежурный офицер ближайшей гауптвахты послал к военному коменданту просить подкрепления. Канту кончил свое воззвание к венецианцам приглашением подписать адрес австрийскому правительству, в котором требовалось ослабление цензуры. Адрес этот подписали, однако же, очень немногие: Томмазо, Каттанео³⁷, и он не пошел в ход, так как Манин, вокруг которого сгруппировались тогда все передовые люди Венеции, объявил тут же, что *еще не время*. Замечательнее всего, что этот его отказ не повредил ему нимало в глазах народа, и эта слепая к нему уверенность ничем не объясняется из его прошедшего.

В то же самое время Манин, по примеру миланских депутатов, представил в муниципальное правление Венеции прошение на имя императора, в котором излагал настоящие потребности и желания народонаселения. Содержание этого прошения было всякому известно и не содержало в себе ничего особенного, так что даже робкий муниципальный совет решился подать его императору и от своего имени. Манин открыто протестовал против этого воровства и протестом этим приобрел несравненно большую известность в Венеции, чем самым прошением. В один день он получил более тысячи визитных карточек.

С другой стороны Томмазо, не удовольствовавшийся лаконическим объяснением Манина на конгрессе по поводу прошения о послаблении цензуры, собрал очень большое количество подписей, отправил его министру народного просвещения Кюбеку.

Италия была тогда в страшном волнении. Движение, начатое в Риме Пием IX, очень скоро перешло в Тоскану и распространилось по остальным провинциям с баснословной быстротой. В Ломбардии начались серьезные тревоги и Надзари³⁸ выбивался из сил, чтобы удержать тамошнее движение «в пределах законности». В Венеции народ тоже не был совершенно

---

³⁴ Винченцо Джоберти (*Gioberti*; 1801–1852) – священник, мыслитель, деятель Рисорджименто.

³⁵ Устаревшее: хорваты.

³⁶ Чезаре Канту (*Cantù*, 1804–1895) – литератор, историк, политик.

³⁷ Карло Каттанео (*Cattaneo*; 1801–1869) – литератор, политик.

³⁸ Джованни-Баттиста Надзари (*Nazari*; 1791–1871) – политик.

спокоен, но не отваживался на открытое сопротивление правительству. Однако всякого рода шумные демонстрации становились все чаще и чаще. Стены домов были испещрены всякого рода надписями: *Evviva Pio IX! Morte ai Tedeschi!*³⁹ и пр.

Ненависть к австрийцам, которую низшие классы народонаселения и прежде не считали долгом скрывать особенно тщательно, стала высказываться резче и определеннее, часто в довольно пустых, по-видимому, и ребяческих формах. Так например, сначала появились прокламации, которыми запрещалось курить табак или сигары, так как с табачного откупа правительство получало большой доход; и на улицах никто не смел показаться с сигарой во рту. Потом стали курить в большом количестве контрабандный табак, доставляемый лодочниками Канарреджо⁴⁰, пользующимися и теперь репутацией самых ловких контрабандистов и отчаянных плутов – прямых наследников венецианских *браво* старых времен. Завели особенной формы пеньковые трубки, по преимуществу в виде сапога, раскрашенного национальными красками (сапог – вульгарная эмблема Итальянского полуострова). Полиция напрасно старалась прекратить контрабанду и уличную журналистику, т. е. расписывание стен.

Прошения Манина и Томмазео показывают, однако же, что в высших классах народонаселения не было и помину о восстании. Оба они требуют или, правильнее, просят у венского кабинета только уничтожения некоторых особенно стеснительных строгостей и возобновления статута 1815 г.

В числе прочих нововведений централизованного австрийского правительства было одно, отнимавшее у венецианцев право подавать прошения на высочайшее имя; на этом основании прошения Манина и Томмазео должны бы были быть возвращены им, как незаконные. Однако же полиция, занятая гонением на революционные сигарные мундштучки и трубки, не отважилась на такую решительную меру. Прошение Томмазео было возвращено ему только потому, что не было подписано достаточным числом лиц, и вместе с тем автору предоставлено было право открыть новую подписку. Директор полиции Каль надеялся запугать тем временем все народонаселение и потом схватить самого Томмазео, когда у него не будет уже достаточного числа приверженцев. В несколько дней, однако же, набралось до тысячи имен и оба прошения были представлены военному генерал-губернатору. Он обещал обоим просителям исполнить их требование, с тем только, чтобы они, пользуясь своим влиянием, успокоили народное волнение. По приказанию генерал-губернатора, действительно, была назначена комиссия для рассмотрения этих двух прошений. Через месяц с небольшим, комиссия объявила, что провинция совершенно довольна настоящим своим положением, ничего не желает и не просит, и что прошения Манина и Томмазео – просто дерзкая выходка с их стороны и вполне плод их собственных кичливых умов.

Манин по поводу этого написал губернатору, что если провинция действительно довольна настоящим управлением, то всякое посредничество между правительством и народом совершенно лишнее, и что со своей стороны он не считает возможным успокоить волнение, когда просьба его не уважена. Вместе с тем он составил новый проект прошения, в котором требовалась совершенно отдельная администрация для Ломбардо-Венецианской области, с тем, однако же, чтобы область эта по-прежнему составляла часть империи. Этот проект он представил в областное правление, которого председателем был тот же генерал-губернатор; он передал прошение к директору полиции. Полиция в это время была занята войной против падуанских студентов, авторов стенных надписей и курильщиков контрабандного табаку, и обращалась с теми из них, которые попадались в ее руки, с возмутительной строгостью. Напуганный новым проектом Манина, Каль объявил всю область в очень опасном положении, из

---

³⁹ Да здравствует Пий IX! Смерть немцам!

⁴⁰ *Canareggio* – один из шести исторических районов Венеции.

которого было поручено вывести ее фельдмаршалу Радецкому⁴¹. Этот рассчитал, «что 30-ю часами осадного положения он добьется 30-тилетнего спокойствия в целой области» и наводнил всю Венецию и Милан своими солдатами (9 января 1848 г.). В Милане новые гости встречены были свистками и всякого рода оскорблениями, на которые австрийцы отвечали штыками и ружейными выстрелами. Началась резня.

Едва узнали в Венеции о случившемся в Милане, народное волнение усилилось и стало понемногу принимать грозный характер. Дамы в траурных платьях ходили по городу, собирая вспомоществование «для раненых братьев». В несколько дней собраны были значительные суммы и посланы в Милан, при адресе, подписанном более тысячи венецианских граждан. Удинский епископ издал прокламацию к своей пастве, в которой от имени религии увещевал их держаться спокойно и принимал открыто сторону Радецкого. Несколько экземпляров этой прокламации попали и в Венецию. Томмазео отвечал на нее очень энергическим письмом, которое было тайно отпечатано, и разошлось в громадном количестве экземпляров.

Революция не могла уже удержаться в «пределах законности», в которых держали ее до сих пор Манин и Томмазео. Оба они очень хорошо понимали свое положение.

– Мы с вами прямо идем по дороге в Шпильберг⁴², – говорил он Томмазео.

– Мне все равно, – отвечал тот: – берегитесь вы, у вас семейство.

Итальянские дела шли очень быстро и всеобщая революция почти в несколько дней вспыхнула на всем полуострове. Венеция по-прежнему не изъявляла особенного сочувствия ни пьемонтскому королю, ни идеям Мадзини, но и в ней дело шло к развязке. Манин был в каком-то туманном и нерешительном положении, не зная сам, на что решиться. Нужно, однако же, отдать ему полную справедливость – он ни разу даже и не подумал принять сторону Австрии.

17 января, в театре «Аполло», давалась какая-то драма из истории Венецианской республики. Известный венецианский актер, теперь уже покойник, Густав Модена⁴³, друг Мадзини, один из первых собратий «Молодой Италии», долгое время проживший в изгнании, играл в ней главную роль. Модена обладал очень редкой способностью – вдохновлять всех своих многочисленных слушателей, доводить их до электрического восторга и настроить на тот или на другой лад, сообразно собственному расположению духа. Представления, в которых он принимал участие, обыкновенно оканчивались шумной демонстрацией против Австрии, и актер не раз прямо с подмостков отправлялся в тюрьму. Представления 17 января ожидали с большим нетерпением, караулы были усилены и задние ряды партера заняты военной силой. Перед поднятием занавеса Манин отправился в уборную Модены, где нашел уже Томмазео. Происшествие это, не имеющее по-видимому никакой важности, осталось, однако же, не без последствий. Когда Манин и Томмазео выходили из уборной, навстречу им попался полицейский комиссар... Представление началось обыкновенным порядком, а окончилось сперва громкими рукоплесканиями главному актеру, потом торжественными *viva!* в его честь; среди этого шума несколько голосов закричали: «*Viva l'Italia!*» скоро все слилось в один крик: «*Viva S. Marco! Morte ai Tedeschi...*»

На следующее утро, при восходе солнца, полицейский комиссар вошел в спальную Манина с несколькими жандармами, но не застал его врасплох. Манин оканчивал приводить в порядок свои бумаги; сдал их с рук на руки комиссару, пригласил его выпить чашку кофе с ним и с хозяйкой дома, и затем в сообществе его и жандармов сел в полицейскую гондолу, где был уже и Томмазео... Гондола пристала у дворца Борджа, где помещалось главное полицейское управление. Там тотчас же приступили к допросу двух арестантов. Допрос этот не открыл ничего, что могло бы послужить поводом к осуждению Манина, и замечательно то, что сам он

---

⁴¹ Граф Йозеф Радецкий (1766–1858) – австрийский военачальник и государственный деятель, чешского происхождения.

⁴² Австрийская политическая тюрьма, находившаяся в Брно.

⁴³ Густаво Модена (*Modena*; 1803–1861) – актер и деятель Рисорджименто.

гордился тем, что постоянно удерживался в пределах законности. Это, однако же, помогло ему немного, и вечером того же дня его заперли в старой зале нижнего этажа Дворца дожей, служившей во времена республики сборным местом для судей над уголовными и государственными преступниками.

Все это случилось так тихо, что даже ближайшие друзья арестованных узнали только через несколько времени об их участи. Совершенно незнакомые Манину семейства являлись по очереди ухаживать за его больной женой; портной Тофоли, которого Манин никогда не видал в глаза, взял на свой счет все домашние его издержки, лучшие доктора бесплатно посещали по нескольку раз в день больную, и аптекари точно также даром отпускали ей лекарства. Адвокаты, бывшие товарищи Манина по университету и по трибуналу, взяли на себя начатые им процессы. Представлено было прошение за подписью членов муниципального правления и нескольких десятков граждан, в котором требовали освобождения обоих арестантов на их поруки. Им было отказано. Директор полиции писал председателю уголовного суда, чтобы их не выпускать ни по какому случаю, ни во все время процесса, *ни даже после*. Процесс тянулся очень долго, и сперва бог знает почему в миланском уголовном суде, и когда тот положительно отказался признать подсудимых виновными в измене и в оскорблении особы императора – дело перешло в венецианский уголовный же суд, наперекор всем существующим законным постановлениям. Там тоже оно решено было (5 марта) в пользу арестованных; тем не менее их продолжали держать в тюрьме и в строгом секрете, с запрещением писать к кому бы то ни было...

Все сословие венецианских адвокатов поднялось тогда против этого незаконного тюремного заключения, началась снова *законная революция*, бомбардировка циркулярами, прошениями, ссылками на прежние судебские постановления, которых австрийское правительство никогда и не имело в виду сдерживать не на шутку. Но пришло наконец время, что революция эта перешла на площадь и получила совершенно иной характер. Полиция по обыкновению сама вызвала наконец катастрофу. События в Пьемонте, в Тоскане и в Неаполе слишком напугали австрийских полициоттов⁴⁴; строгости в Ломбардии и в Венеции усилились. Демонстрации становились все чаще и принимали более грозный характер. В Милане повторились кровопролития, в Венеции тюрьмы наполнились новыми арестантами... Народ, однако, же не унывал. В театре Сан-Самуэле Фанни Черрито⁴⁵ танцевала тарантеллу с трехцветным букетом на груди; по этому поводу повторилось то же, что было в «Аpollo» 17 января. Наконец в Падуе произошла кровавая стычка между студентами и солдатами Радецкого. Закрыли университет. Большая часть студентов отправились отсюда в Милан и в Венецию; израненные, в карбонарских шляпах, с усами *all'italiana*, бродили они по площадям и набережным каналов, просвещая народ, и десятками отправляясь отсюда прямо в тюрьму. Кофейные обратились в революционные клубы. Известия о Французской революции жадно читались и комментировались вслух, несмотря на то, что весь город был наводнен солдатами и шпионами Радецкого. Благодаря услужливым студентам, известия эти тотчас же переходили отсюда на площади. В честь Манина устроено было несколько шумных демонстраций, и он из своей тюрьмы, которой окна, выходящие на площадь св. Марка, были закрашены, неоднократно слышал отчаянные крики: «*Evviva Manin!*» Наконец 17 марта в Венеции разнеслись слухи об обещанной в Вене конституции. Вечером того же дня большие толпы собрались на площади св. Марка, при криках: «*Evviva Manin!*», «*Tommaseo!*», «*Evviva la Costituzione!*», «*Evviva la liberta!*».

Губернатор Пальффи⁴⁶, напуганный венскими делами, настрого приказал полиции и солдатам не трогать народ. Странно сказать, – однако же, правда, – первое употребление, которое сделал венецианский народ из новой свободы, было освистать и обругать жену губернатора,

⁴⁴ Итальянизм: *poliziotti* – полицейские.

⁴⁵ Фанни Черрито (настоящее имя: *Francesca Teresa Giuseppa Raffaella Cerrito*, 1817–1909) – популярная балерина.

⁴⁶ Граф Алоизий Пальффи (*Palfy*), венгерского происхождения.

гулявшую по площади с адъютантом мужа. Многочисленная толпа лодочников и факинов⁴⁷ отправилась к генерал-губернатору требовать освобождения Манина и Томмазо. Он обещал, что требование это будет исполнено в самом непродолжительном времени. Недовольная его ответом, толпа отправилась во Дворец дожей и, разломав несколько дверей, добралась до тюрьмы героев законной революции.

Манин между тем сидел, довольный собственным сознанием того, что он ни разу не вышел из-за пределов законности, и не зная, как понимать доходившие до него с площади крики. Вдруг дверь его тюрьмы с треском падает на землю, вся зала наполняется ладзаронами св. Марка, в их живописных костюмах, с разгоревшимися лицами и сверкающими глазами – со всеми наружными признаками того ненормального положения, в котором они действительно находились. Узникам объявлено было, что они свободны. Манин, находя подобное освобождение вовсе незаконным, объявил в свою очередь, что он не выйдет. Тогда один отчаянный *popolano*⁴⁸ схватил его и посадил верхом себе на плечи; какой-то народный поэт с Канарреджо подхватил таким же образом Томмазо, и вся процессия отправилась церемониальным маршем на маленькую площадь Сан-Патерньяно, где жил Манин и, сдав его домашним, отправились освобождать других заключенных. Покончивши и эту трудную задачу, толпа возвратилась на площадь св. Марка. Из трех разноцветных лоскутков – зеленого, белого и красного – сделано было итальянское народное знамя и поднято на одном из флагштоков против базилики; веревки, служащие к тому, чтобы поднимать и опускать эти флаги, были обрезаны и знамя это оставалось на месте до нового занятия Венеции австрийцами. Тогда один из юнг военного парохода, за приличное вознаграждение, решился взобраться на самый верх флагштока и снять оттуда трехцветную тряпку, которой вид был очень неприятен немцам, известным любителям порядка...

В несколько часов мостовая площадь была разобрана почти вся, плиты разломаны в куски и вооруженные таким образом *popolani* взобрались на крыши, куда не могли залететь австрийские бомбы. На рассвете, 9 пушечных выстрелов с австрийских пароходов возвестили о полной революции в городе...

С восходом солнца, площадь св. Марка представляла совершенно новое зрелище. Белые мундиры нескольких батальонов пехоты резко отделялись на сером фоне окружающих зданий. Штыки их ярко блестели на солнце. На земле валялись в крови несколько тяжело раненых гондольеров и работников, и за ними ухаживали старухи нищие. Между вооруженными толпами кроатских гренадеров и тирольских стрелков с петушьими перьями на знаменах, прохаживался мерными шагами немецкий поэт Штиглиц⁴⁹, в гороховом сюртуке и в шляпе *all'italiana*, с записной книжкой в руке и с пистолетом на перевязи через плечо. Бронзовый лев св. Марка смотрел на него молчаливо и угрюмо, а народ, слишком занятый созерцанием белых мундиров и желтых усов своих врагов, не обращал никакого внимания на бедного поэта...

В это время Томмазо переодетый, второпях пробегал через площадь; австрийские солдаты не узнали его, но зато Штиглиц, проникнутый сознанием позора своей нации, торжественно закрыл лицо руками, увидя итальянского поэта, и дружески, с отчаянием вместе с тем, сказал ему: «*Mein Gott!*», когда тот проходил мимо. Томмазо не отвечал ему ничего, он слишком торопился к Манину – душе *законной* революции.

Оба приятеля были смертельно напуганы тем характером незаконности, который принимало дело и долго изошряли свои изобретательные умы, чтобы придать ему должное направление. Решили, наконец, отправиться к генерал-губернатору и просить у него законным

---

⁴⁷ Итальянизм: *facchino* – носильщик.

⁴⁸ Простолоудин.

⁴⁹ Генрих-Вильгельм Штиглиц (*Stieglitz*; 1801–1849) – немецкий поэт-романтик, последние годы жизни провел в Италии, умер в Венеции.

порядком учреждения национальной гвардии. Пальффи обещал им очень многое в будущем, позволил даже приступить к составлению городских батальонов, но только оружие обещался выдать через несколько дней, когда получит на это разрешение от кого следует.

Пока Манини и Томмазо трудились таким образом на благо общее, на площадь подошел отряд канарреджиоттов, вооруженных ножами и небольшим количеством старых ружей. Усиленная новым подкреплением, толпа слезла с крыш, часть ее заняла комнаты коммерческого клуба, которого окна выходили на площадь; другая же отправилась разбирать мосты через каналы, чтобы отрезать бывшим на площади солдатам сообщение с городом. Началось кровопролитие, которое прекратилось, когда Манини и Томмазо объявили разрешение генерал-губернатора учредить национальную гвардию.

К учреждению ее было приступлено немедленно и со следующего же дня безоружные патрули национальных гвардейцев днем и ночью ходили по городу. Манини и Томмазо, в новых мундирах, командовали ими. Спокойствие водворилось на несколько дней в Венеции.

Между тем миланские героические Пять дней⁵⁰ нанесли австрийскому владычеству в Италии решительный удар. Пьемонтские войска заняли Ломбардию и неаполитанский генерал Пепе, с 3 тысячами итальянского войска, был уже почти на венецианской границе.

Пока приверженцы Манини, довольные успехом, заказывали себе новые мундиры и ждали, что им откроют Арсенал, генерал-губернатор, занятый иного рода приготовлениями, меньше всего думал об исполнении своего обещания. Австрийское правительство намерено было отнять у венецианцев все, взятые ими с бою конституционные вольности. Для этого готовились бомбардировать весь город со всех концов. Приготовления эти были облечены всевозможной таинственностью, тем не менее слух о них быстро разнесся по городу.

Одна старая кухарка, бывшая в дружеских отношениях с монахами Сан Франческо, которых монастырь был как раз против сухопутного Арсенала, занятого богемской артиллерией, узнала от них, что по ночам, в Арсенале, слышится особенное движение. Она тотчас же донесла об этом своему хозяину, бывшему командиром национальной гвардии этого квартала. Тот еще накануне слышал то же самое от одного из своих унтер-офицеров, ходившего с ночным патрулем. Чтобы лучше узнать в чем дело, он сам отправился в монастырь, и за приличное вознаграждение монахи впустили его с одним приятелем на галерею, с высоты которой была видна внутренность двора Арсенала.

Ночью они действительно увидели, с помощью театрального бинокля, что артиллеристы при огне готовили гранаты и чиненные бомбы.

На следующий день матросы военного корвета, стоявшего возле морского Арсенала, донесли командиру тамошней роты национальной гвардии, что на их судно принесены были большие запасы огнестрельных снарядов и что они знают из положительных источников, что на маленьком пароходе, стоявшем у входа на рейд, возле *Giardini Pubblici*, по приказанию офицеров, заряжены были пушки, но что потом матросы, по большей части венецианцы и славяне, разрядили их, пользуясь отсутствием командира. Едва все эти слухи дошли до Манини, он тотчас же принял зависевшие от него меры, для того, чтобы город мог представить неприятелю отпор. К сожалению, он мог сделать очень немного и тем меньше, что боялся, чтобы слухи эти не дошли до народа. В ночь с 19 на 20 марта он сам отправился в монастырь Сан Франческо с двумя ротами национальной гвардии, которые успел вооружить кое-как втихомолку. Одна из них была расположена на галерее, о которой я уже говорил, и должна была стрелять по богемским артиллеристам, едва они покажутся на дворе; другая осталась внутри и должна была напасть на Арсенал и завладеть им, едва первая откроет огонь. Но – или бомбы и гранаты были уже заготовлены в достаточном количестве, или по чему другому – только в Арсенале

---

⁵⁰ *Cinque Giornate* – народное антиавстрийское восстание в Милане, с 18 по 22 марта 1848 г., закончившееся временной победой итальянских патриотов.

все было спокойно на эту ночь. На следующее утро остальные командиры национальной гвардии остались очень недовольны распоряжением Манина, и у него отнято было начальство над его отрядом за превышение власти. Оскорбленный этим, он объявил, что не намерен больше принимать участия в общественных делах и заперся в своей квартире. Удаление Манина произвело дурное впечатление на многих, но не на всех, и за его отсутствием, которое, правда, продолжалось всего один день – дела пошли вовсе не хуже. Положение Венеции вовсе не было отчаянное, так как большая часть экипажей военных судов, на которые особенно рассчитывало австрийское правительство, за исключением командиров и морских офицеров, готовы были передаться на сторону города. Адвокат Авеццани, хотя не пользовавшийся особенной популярностью, за отсутствием Манина выдвинулся вперед и готов уже был подать знак к открытому восстанию. Полковник Маринович, о котором я уже говорил, со своей стороны приготовился разыграть – и, вероятно, с большим успехом, так как он был известен своею храбростью и хладнокровной жестокостью – роль Радецкого. Ожидали новых кровопролитий, наподобие миланских Пяти дней. Что еще много улучшало положение города – это примирение между собой народных корпораций, враждовавших между собой в течение нескольких веков – и отъезд директора полиции, место которого занял новый, робкий, неопытный и совершенно незнакомый с краем. Наступил решительный день 22 марта.

Офицеры одного из стоявших на рейде корветов пригласили к себе на обед некоторых из главных офицеров национальной гвардии, желая показать этим миролюбивым образом, что держали сторону города. В числе приглашенных был и Манин, но он не поехал вместе с другими. Маринович, назначенный военным комендантом, едва узнал об этом через своих шпионов, приказал тотчас же привести в Арсенал роту кроатов, с которыми вместе намерен был отправиться на снабженный огнестрельными снарядами корвет. Пока пришли кроаты, Фабрис, Цимоло и несколько других офицеров национальной гвардии на пароходной барке отправились на приглашение с набережной *del Molo*. Едва отчалив от берега, они распустили трехцветное знамя и были встречены торжественными рукоплесканиями со всех стоявших на рейде судов. На пароходе их встретили очень дружелюбно, и пока некоторые из них отправились с командиром в кают-компанию, матросы подняли на мачте трехцветный флаг. Командир парохода, выйдя на палубу, остался очень изумлен новым зрелищем; но делать было нечего, и пароход остался в руках итальянского правительства.

Между тем арсенальные работники едва узнали о том, что Маринович намерен отправиться на корвет, понимая очень хорошо настоящую цель его прогулки, освободили содержащихся там арестантов и галерников и с ними вместе напали на полковника и убили его ножами и обломками цепей. Кроаты, сами ненавидевшие Мариновича, защищали его плохо, да если бы и хотели, то вряд ли могли что-нибудь сделать против втрое большей их силы. Работники, однако, не тронули их, но заперли всех вместе в одной из рабочих зал. Озадаченные сами неожиданным успехом, они не знали, что делать. Во всей Венеции одно имя – Манин – было им знакомо. Решили послать к нему депутатов и призвать его немедленно в Арсенал. Но он, едва услышал о предполагаемой поездке Мариновича на корвет, вышел из дому вместе с своим сыном и с несколькими из национальной гвардии, особенно ему преданными. Арсенальные депутаты застали его на площади св. Марка. Он тоже несколько был озадачен случившимся, но не теряя времени, отправился вслед за депутатами.

Там прежде всего его встретили арсенальные громкими: *viva!* Скоро явился генерал Мартини, взявший на себя, по поручению Пальффи, командование Арсеналом. Положение нового коменданта было, однако же, очень затруднительное; он не знал, на что решиться, и даже не посмел взять с собой сильный отряд войска, в надежде, впрочем, на кроатов, о заключении которых на место каторжных он еще не знал. Вообще он не предполагал даже, что убийство Мариновича имело такой важный политический характер.

Едва Манин снова стал во главе движения, сильный слепым доверием к нему людей, знавших его едва по имени, оно снова приняло «законный» характер. Манин успокоил работников, но стоя среди них, вступил в переговоры с Мартини. Он требовал, чтобы Арсенал, а вслед за тем и все гауптвахты и караулы города были сданы национальной гвардии, опираясь на то, что кроаты очень дурно исполняют свои обязанности, и что они даже не защищали своего командира, – а это доказывается тем, что из них ни один даже не ранен. Мартини в душе был не прочь податься на сторону Манина, да и делать кроме того ничего не оставалось. Не желая, однако же, принять на себя ответственность, он пробовал затянуть дело, думая стороной дать знать об этом генерал-губернатору. Этому ему сделать не удалось, и он должен был сдаться на предложение Манина.

Для вооружения национальной гвардии нужно, однако, было отпереть арсенальные залы, в которых были сложены ружья. Мартини отказался от этого под предлогом, что не знает, где ключи. Работники, усиленные новыми толпами народа и неизбежными в подобных случаях калареджиоттами, хотели разбить двери.

В это время во дворе Арсенала собрались уже многие из колонновожатых революции. Манин один решился остановить народ. Замечательна следующая черта его характера:

– Дайте мне часы! – закричал он.

Кто-то подал ему часы.

– Если через пять минут, – сказал он, обращаясь к Мартини, – ключи не будут найдены – мы разобьем двери.

Народ отвечал неистовыми рукоплесканиями, а ключи тотчас же были найдены.

Толпа нахлынула в растворенные залы и меньше чем в полчаса оружие было разобрано.

Манин в это время как будто вырос; прежние друзья не узнавали его... Он стал распоряжаться как диктатор и все по машинальному какому-то чувству слушались его и исполняли его приказания. Мартини, понимавший очень хорошо, что для австрийского владычества в Венеции все было кончено, принял открыто сторону города. Манин, однако же, не оставил его начальником Арсенала, а назначил на место его Грациани⁵¹. Тот отказывался и сдался только на настоятельные требования всего народа и на увещания самого Мартини. Затем Манин со всей толпой взшел на Арсенальский мост и закричал: «*Viva l'Italia!*». Толпа подхватила его провозглашение и «*Viva l'Italia!*» долго раздавалось в воздухе. Оттуда процессия отправилась на площадь св. Марка. На площадке Сан Сеполькро стоял отряд национальной гвардии, громкими криками приветствовавший Манина и его свиту. Возле находился магазин мануфактурных изделий; побежали туда, схватили по куску белой, красной и зеленой материи, даже не заплатив за нее старой лавочнице, очень озадаченной таким неожиданным происшествием; соорудили трехцветное знамя второпях и подали его Манину. Его маленькая фигурка едва была заметна среди дюжих арсеналоттов. Когда пришли на площадь св. Марка, Манин вскочил на столик, выставленный из кофейной. С этой импровизированной кафедры и с трехцветным знаменем в руках он провозгласил *республику св. Марка*. Ему отвечали громким: «*Viva vecchio nostro S. Marco!*»⁵²

Генерал-губернатор Пальффи, едва узнав о взятии Арсенала и о смерти Мариновича, на которого по преимуществу возлагал большие надежды, поспешил сдать свою власть в руки венгерского генерала Зичи⁵³. Этот добрый старик долго жил в Венеции, где у него успели родиться две дочери, бывшие уже невестами во время революции. Больной и усталый, Зичи не принял никакого участия в венгерском восстании, и больше еще потому, что не предвидел ему счаст-

---

⁵¹ Леоне Грациани (*Graziani*; 1791–1852) – венецианский военный моряк.

⁵² Да здравствует наш старый св. Марк!

⁵³ Фердинанд Зичи (*Zichy*; 1783–1862) – австрийский государственный деятель, венгерского происхождения. После венецианских событий был приговорен в Вене к пожизненному заключению, затем помилован.

ливого исхода; в уме же он далеко не оправдывал Австрию за ее отношение к иностранным провинциям. Как старик, Зичи успел охладеть ко многому; но в нем еще не вполне замерло сочувствие к геройским поступкам других и к храбрости, на которую он уже сам не был способен, но которую, как венгерец, ценил и уважал в других. Следовательно, этого нового представителя Австрии Венеции нечего было бояться.

Едва прошел первый порыв восторга, многие, в том числе и Манини, поняли, что не все еще было сделано одним провозглашением республики со столика кофейной. Арсенал, правда, был в руках национальной гвардии; но австрийские войска стояли еще в городе, и хотя им мало было надежды на успех, но могли произойти новые стычки и кровопролития, которых некоторые из революционеров очень побаивались. Зато другие неуместной храбростью чуть было не испортили все дело; предлагали вооруженной силой выгнать австрийцев из Венеции; несколько голосов поднялись даже за повторение сицилианских вечерен⁵⁴. Но Манини своей законностью восторжествовал и на этот раз. Решено было послать депутацию к новому генерал-губернатору и требовать от него, во что бы то ни стало, чтобы австрийские войска сдали все посты в руки национальной гвардии и подоспевшего неаполитанского отряда генерала Пеле и, оставив пушки и казну, вышли из города. Выбор депутатов поручен был Манину, и он назначил адвоката Авеццани с двумя депутатами от муниципального правления и с тремя капитанами национальной гвардии.

Зичи сидел в своем кабинете, только что принявши власть от Пальффи. Депутаты изложили ему цель своего посещения. Добрые голубые глаза старика блеснули и разбежались, глядя на них, и он напрасно старался принять приличную своему положению грозную наружность. Понимая очень хорошо, что сопротивление не довело бы его ни до чего хорошего, он, однако же, счел своей обязанностью отказать им в исполнении их требования. Авеццани решительно спросил у него:

– Генерал, это ваше последнее слово?

– Конечно, – отвечал Зичи, тоном, показывавшим достаточно, что он вовсе не намерен оставаться непреклонным.

– В таком случае мы намерены драться, – прибавил Авеццани, приготовляясь выйти.

Зичи остановил его и, подумав с минуту, потом еще раз прочел принесенный ему лист капитуляции.

– Господа, – сказал он, – я мог бы залить кровью ваши улицы и площади и мог бы задавить восстание, но я этого не делаю. Подписываю капитуляцию, и, может быть, подписываю свой смертный приговор. Но будь, что будет! Венеция – отечество моих дочерей... Прошу вас об одном только: помните, что я заплатил Венеции долг чести и благодарности и, когда будете проклинать австрийских солдат – пощадите мое имя!

Капитуляция, подписанная Зичи, состояла из следующих главных пунктов:

а) австрийские войска должны выйти из Венеции немедленно же, сдав в руки национальной гвардии все военные снаряды и войсковую казну, из которой им выдастся сумма для уплаты солдатам жалованья за три месяца;

б) все гражданские суды и правления должны сдать в руки муниципального правления все дела, документы, реестры, списки и пр. и кассу;

с) войско Пеле остается в Венеции, взамен австрийского;

д) сам Зичи должен остаться в Венеции до тех пор, пока не выйдет оттуда последний австрийский отряд.

Бедный генерал сделал бы гораздо лучше, если бы остался дольше: тотчас же, по прибытии в Вену, он был арестован и только благодаря наступившему тревожному времени ему удалось спастись от смерти.

---

⁵⁴ Прозвание патриотического выступления весной 1282 г. на Сицилии против иноземцев (французов).

Депутация Авеццани, возвратившись к народу, была встречена торжественными рукоплесканиями.

Затем главные герои этого дня, арсеналотти, канарреджиотти и проч., покончили с государственными делами и занялись исключительно новыми уличными торжествами, довольные тем, что проклятые белые мундиры не придут уже смущать их удовольствия.

Вечером, 22-го марта, площадь св. Марка представляла действительно великолепное зрелище: фасады зданий были увешаны трехцветными фонарями; множество национальных знамен развевались везде, где только был какой-нибудь шпик или палка. На гауптвахте и под дворцом дожей, вместо кроата со вздернутым носом, стоял очень красивый венецианец в новом с иголки мундире и с золотой часовой цепочкой по борту форменного сюртука. Среди торжественных возгласов, многие по привычке обращали с беспокойством на него свои глаза, но вид юного часового джентльмена успокаивал их совершенно. Толпы канарреджиоттов ходили по площади, по соседним переулкам с трехцветными знаменами, с гитарами, громко пели национальные песни и кричали виваты кому вздумалось. Говорят даже, что в эту достопамятную ночь не было украдено ни одного платка из кармана во всей Венеции и не произошло ни одной драки между гондольерами, – вот до чего может доходить народный энтузиазм в подобные минуты.

Манин сразу из смиренного адвоката ставший диктатором республики, ушел скоро очень домой, но имя его долго повторялось на площади. В сущности ему еще не было предоставлено никакой власти, да и вообще никто еще не сделал никакого распоряжения на будущее время; никому, однако же, и в голову не приходило сомневаться в том, что Манину предстоит играть очень видную роль в последующих событиях, и он не был таким человеком, чтобы отказаться от предлагаемых почестей. Некоторые из его врагов приписывают чисто случайности и его навязчивости особенную популярность, которой он пользовался в это время в Венеции. Это, однако же, совершенно несправедливо: если в прошедшей деятельности Манина не было ничего оправдывавшего слепое доверие к нему народа, если арсеналотти действительно только потому призвали его стать во главе их, что не было другого имени, хотя сколько-нибудь известного, и самое имя Манин было им больше известно по дожу 1797 г., то после всего этого, Манин успел уже сделать достаточно для того, чтобы иметь право рассчитывать на содействие народа, по крайней мере в это время энтузиазма.

Я говорю о провозглашении республики св. Марка. Передовые люди венецианского движения почти все, без различия политических оттенков, сильно склонялись на сторону присоединения к Пьемонту в виду принципа итальянского единства и той помощи, которую в случае нужды мог оказать им Карл-Альберт⁵⁵. Ломбардия за миланскими Пятью днями присоединилась к Пьемонту и требовала только законодательного собрания для того, чтобы издать новый статут для соединенного королевства. В Венеции, как я уже говорил, было много желавших последовать ломбардскому примеру. Сам Манин был приверженцем унитарных идей и поддавался скорее на сторону Пьемонта, чем Мадзини, и вероятно немногие из его приятелей и политических друзей ожидали такого исхода революции, какой сам он дал его потом на площади св. Марка. Что заставило Манина решиться на эту несколько несообразную с его прежним направлением меру – угадать нетрудно. Предполагать, чтобы он с первого разу понял выгоды, которые могла извлечь и Венеция, и вся Италия из существования в этом отдельном уголке полуострова независимой республики – было бы, мне кажется, не основательным. Манин, и до революции, и после, – был очень обыкновенным смертным, хорошим адвокатом и практическим человеком – не больше. До тех пор, пока исключительно он руководил революцией, она была более похожа на процесс, на тяжёлое дело, чем на народное движение; с чего же предполагать, что в нем вдруг, как бы по вдохновению свыше, появились блистательные качества

---

⁵⁵ Карл-Альберт Савойский (1798–1849) – король Сардинского королевства, с 1831 г.

политического деятеля: гениальный ум, способный предвидеть очень отдаленное будущее, и в такую минуту, когда настоящее поглощает все способности обыкновенных людей.

Другие видят в этом проявление его ненасытного честолюбия: с тех пор, как арсеналотти избрали его своим главою, он мог быть уверен, что при республиканском образе правления будет играть слишком значительную роль, которая вряд ли удалась бы ему при немедленном присоединении республики к Пьемонту.

Всякие предположения по этому поводу совершенно лишни, так как все дело объясняется удовлетворительно и без них: с тех пор, как народ сделал все дело, Манин не имел возможности поступить иначе.

Не заходя слишком далеко в историю, – со времени братьев Бандьера, Венеция привыкла много слышать, а потом и сама говорить о единстве Италии, конечно, не понимая хорошенько самой сущности дела. Затем, благодаря новому сближению цивилизованного класса народонаселения с чернью и посредству выгнанных из Падуи студентов, идея итальянской национальности стала иметь смысл и для них. Крик: «да здравствует Италия!» неоднократно раздавался на площадях во время демонстраций; сочетание цветов зеленого, белого и красного (итальянское знамя) встречалось с восторгом.

Народ хотел *единства Италии*; интересно только знать, в какой форме? Симпатизировать пьемонтскому правительству он не мог, точно так же, как и ни одному из существовавших тогда в Италии правительств. Да наконец, венецианцы просто не хотели отказаться от своего крылатого льва, он им стал слишком дорог: во время сурового владычества наполеоновской республики и затем тяжелого австрийского деспотизма они успели забыть последние века правления Великого Совета, а воспоминания счастливых времен все живее воскресали в их памяти.

В жизни народа вообще суеверия, в особенности связанные с приятными воспоминаниями прошедшего, имеют несравненно большее значение, нежели это думают; в Венеции больше чем где-либо. Тамошние герои 48-го года вовсе непохожи на суровых римских республиканцев, на приверженцев Мадзини, смотрящих на политический переворот, как на религиозное дело, жаждущих высоких добродетелей. До добродетелей венецианцам мало дела: они хотят только хорошо и весело прожить свой век.

Отвыкнув с давних пор от политической жизни, они не требовали для себя никакого участия в общественных делах, они даже того только и добивались, чтобы свалить на чьи-нибудь плечи всю эту докучную обузу, а самим остаться в стороне, строго разбирать действия новых администраторов, смеяться над ними вдоволь – одним словом, поставить их на положение актеров, а себя на положение публики; но понятно, чтобы эти актеры не позволяли себе с ними никаких излишних вольностей. Все эти выгоды когда-то соединяло в себе правительство св. Марка, и им для полного спокойствия необходимо было, чтобы и новое носило ту же форму; а что оно будет в сущности – об этом они не много заботились.

Манин, как природный венецианец, не мог не знать этого существенного направления своих соотечественников; не мог не понимать и того, что 22-го марта именно чернь господствовала и что, следовательно, *законность* в том смысле, в каком понимал ее он, была в опасности. Рассчитывая на то, что торопясь насладиться всеми прелестями освобождения, они не будут особенно требовательны в этот первый день, и что кроме того несравненно безопаснее дать им *carte-blanc* и не противоречить им ни в чем в этот первый день, чем рисковать оставить им власть на бесконечное время – он решился исполнить или даже предупредить все их желания. Нечего и говорить о том, что в его положении не только колебаться, но даже неосторожным намеком выказать, что его стремления не вовсе сходны с народными – значило бы убить в зародыше его слишком молодую и, так сказать, слепорожденную популярность.

Провозглашением вожденной республики св. Марка он настолько привязал к себе венецианскую чернь, как будто она знала его до ниточки в течение нескольких лет сряду, как

будто он жил вместе с нею и ее же жизнью, как будто в нем воскрес и воплотился дух какого-нибудь из давно отживших народных героев Венеции.

Одно это слепое доверие к нему черни, составлявшей всю его силу, успокаивало за будущее: он понимал очень хорошо, что вся задача только в том, чтобы раз самому выдвинуться вперед и стать сильным, и что все остальное впереди. Поэтому он и устремил все свои способности исключительно на то, чтобы как-нибудь не упустить из рук власть, которая сама к нему навязывалась.

Тщательно избегая всяких разговоров и даже свиданий со своими вчерашними друзьями, под предлогом усталости и домашних дел, он рано оставил площадь и отправился на свою квартиру. Там – пока народ торжествовал и шумел – он занялся сочинением следующей прокламации, которую сам печатал ручной машинкой:

«Венецианцы! Я знаю, что вы меня любите. Во имя этой любви я прошу вас, чтобы вы в изъявлениях вашего восторга не выходили из пределов законности и тем доказали бы, что вы вполне достойны той славной участи, которая вас ожидает. – Друг ваш
Манин».

На следующее же утро экземпляры этой прокламации появились на стенах зданий, среди крылатых львов, начерченных на всех перекрестках бойкой, но неопытной рукой безымянных артистов. Это была первая прокламация одного из венецианских граждан к народу, а потому и судили ее вовсе не беспристрастно. Очень немногие заметили все то, что было неловкого, неуместного, навязчивого в этой выходке Манина. Не говоря уже о том, что не один он в Венеции имел право на привязанность народную – требовать во имя этой привязанности того, чего должно было требовать во имя идеи, принципа, или просто во имя блага общего – было довольно неосновательно. Кроме того, венецианцы вовсе не нуждались в подобном напоминании, потому что в течение первых двух дней республики не было и тени какой бы то ни было полиции, а между тем порядок ничем и ни разу не был нарушен.

Манин, однако же, имел цель, публикуя эту прокламацию: он все еще боялся, чтобы как-нибудь в порыве восторга не забыли его и с его законностью, и хотел непременно напомнить о своем существовании, что ему и удалось вполне. Муниципальное правление вынуждено было пригласить его «для обсуждения вопросов, прямо касающихся существования республики». Манин, конечно, тотчас же (утром 23 марта) отправился туда и принес уже приготовленный им самим проект нового министерства, и когда правление предложило ему оставить этот проект на рассмотрение кого следует, он лаконически отвечал: «Теперь некогда – рассуждать будем потом; а теперь нужно немедленно дать ему надлежащую силу».

Муниципальное правление не решилось противиться ему и проект Манина был провозглашен утром того же дня на площади св. Марка и принят тут же с рукоплесканиями нескольких сотен народа, не понимавшего хорошенько, в чем дело и не вслушавшегося даже в чтение. Одно только, чего не мог сделать авторитет Манина – заставить принять в число министров адвоката Авеццани, которого популярность не увеличилась нисколько его удачным посольством к Зичи. Манин великодушно принял на себя всю ответственность, а следовательно и успех этого предприятия.

За исключением этого маленького изменения, проект Манина был принят во всей его целостности, и сам автор его провозглашен президентом нового правительства, установившегося в Венеции 23 марта 1848 г., под фирмою республики св. Марка.

* * *

Между тем все провинции Венецианской области, за исключением Вероны, освободились от австрийского владычества и присоединились к Венецианской республике. Первый декрет нового правительства, вызванный именно этим обстоятельством, подавал большие надежды на будущее; но – по общему закону природы – надежды эти не осуществились.

Что по преимуществу погубило первую Венецианскую республику – это неравенство прав провинций и столицы, вследствие которого между ними постоянно существовали враждебные сношения, и провинции при первом удобном случае готовы были отложиться от нее. Понимая, что при настоящем положении дел, для республики слишком важно было сохранить с ними самые дружеские отношения, Манин издал декрет, которым совершенно сравнялись все их права; Манин решился на эту меру, только вынужденный крайней необходимостью и настоятельными требованиями Томмазо, которого сам он назначил министром народного просвещения. Тем не менее декрет его скоро стал яблоком раздора между двумя бывшими приятелями. Томмазо хотел, чтобы созвано было законодательное собрание из депутатов всех городов и провинций области, основываясь на том, что маниновский проект, утвержденный 23-го на площади св. Марка, мог иметь только временную силу, потому что был одобрен одними жителями столицы. Манин никак на это не соглашался, забыв по этому поводу законность, которой был странствующим рыцарем. Между ними начались распри; провинции поддерживали Томмазо, но Манин был слишком силен в Венеции, потому и поставил на своем. Законодательное собрание созвано не было, а вместо его Манин учредил род государственного совета (*Consulta di Stato*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.